

Е Жу больше не чувствовала неловкости. В конце концов, это был отец той, чье тело она теперь занимала, а отцовскую любовь не способно скрыть ничто. Даже если лицо дочери изменилось, любящий отец всегда узнает её по глазам.

Гуйфан Яо с удивлением смотрел на внезапно появившегося Му Цинхэ, но следом за изумлением пришло нескрываемое облегчение и радость.

— Раз вы в безопасности, нам не стоит здесь задерживаться. Это и есть ваша любимая дочь?

Гуйфан Яо окинул взглядом изможденного Му Цинхэ. Видимо, недавние преследования со стороны императорского двора и тревога за дочь довели его до такого состояния.

— Му Цяньгэ, скорее! Поклонись принцу Яо! — Му Цинхэ опустился на одно колено перед дородным мужчиной с суровыми, грубыми чертами лица, выказывая глубокое почтение, и приказал Е Жу последовать его примеру.

Е Жу на мгновение замерла, в душе её шевельнулось недоумение: что происходит? Почему в этом мире все постоянно кланяются друг другу? Однако, поскольку теперь ей приходилось жить под именем Му Цяньгэ, она, видя перед собой величественного мужчину, смиренно опустила голову и сделала легкий реверанс.

— Дочь приветствует принца Яо!

Гуйфан Яо посмотрел на миниатюрную девушку в мужском наряде. Она выглядела милой и кроткой, и, когда она почтительно склонилась перед ним, он по-царски великодушно ответил:

— Оставь формальности! Мы в пути, здесь не нужны такие церемонии. Сегодня вечером я увезу вас в Наньмань. Тот проклятый император и его двор больше никогда не смогут угрожать безопасности вашего клана Му.

Наньмань!

Е Жу знала по телевизионным сериалам, что это, должно быть, богом забытая глушь. Но за последнее время она успела понять суть конфликта между кланом Му и императорским двором. Очевидно, что отец Му Цяньгэ ни за что не примирится с властью после случившегося.

И действительно, взглянув на Му Цинхэ, Е Жу увидела, как его лицо исказилось от ярости, глаза налились кровью, а кулаки сжались так, что побелели костяшки. В его позе читалась решимость порвать с императорским двором навсегда.

Е Жу понимала его чувства. Ведь когда она очнулась, то лежала среди трупов — разве это были не слуги и родные этого человека? Ли Цзиньшу — вот кто был врагом для этой девушки!

При мысли об этом сердце Е Жу болезненно сжалось. Но что она могла поделать? Она лишь смотрела на окружающих, понимая, что, возможно, больше никогда не увидит Ли Цзиньшу.

— Отец, мы правда должны покинуть Столицу? — спросила Е Жу тихим, печальным голосом.

Му Цинхэ, охваченный гневом, обернулся к ней, и, увидев её подавленное лицо, тут же сменил гнев на жалость. Он заключил дочь в свои крепкие объятия.

— Глупая моя девочка, я знаю, что ты была привязана к этому псу-императору. Но он не вспомнил о том, что вы росли вместе, и не пощадил наш клан. Если бы не те верные слуги, ты бы уже давно погибла. Теперь от всего поместья Му... — Му Цинхэ посмотрел на дочь, сдерживая слезы, и прохрипел: — Остались только мы трое!

Е Жу не знала, было ли это влияние души прежней владелицы тела, но, слыша сдерживаемое отчаяние отца, она почувствовала странную, острую боль. Кровное родство не пустой звук.

— Отец, не печальтесь. Пока живы, мы всё сможем восстановить. У вас же есть я!

Гуйдао Яо, наблюдавший за этой сценой, не мог не проникнуться сочувствием. Семья Му пережила страшную трагедию, и нет ничего удивительного в том, что они полны ненависти.

Дверь отворилась, и в комнату вошел Му Гэ. Он выглядел подавленным, но, увидев происходящее, замер.

— Отец... — он упал на колени, его голос дрожал от рыданий. — Отец! Я думал, что больше никогда не увижу вас в этой жизни!

Му Цинхэ, узнав сына, почувствовал облегчение: он не зря растил этого парня.

— Отец, а это кто? — Му Гэ посмотрел на девушку в объятиях отца. Лицо показалось ему знакомым, но, присмотревшись, он понял, что оно совершенно чужое.

Е Жу тоже с любопытством разглядывала вошедшего. Это был красивый молодой человек в синем халате, с аккуратно собранными в пучок волосами. Тонкие черты лица, алые губы, белые зубы и решительные, словно мечи, брови придавали ему мужественный вид. Однако в его глазах читалась невыразимая скорбь, а покрасневшие белки выдавали крайнее переутомление.

— Этот проклятый император изменил внешность Му Цяньгэ, думая, что я не узнаю её. Но это твоя сестра! — пояснил Му Цинхэ.

Услышав это, Му Гэ поначалу ошеломился, а затем его глаза наполнились нескрываемой болью.

— Милая сестренка, прости брата, что не уберег тебя, что ты так настрадалась.

Взрослый мужчина со слезами на глазах дрожащими руками коснулся чужого лица Е Жу. Но когда он встретился с её взглядом, его сердце снова защемило. Эти ясные, чистые, как лунный свет, глаза были точно такими же, как у его любимой сестры.

Е Жу чувствовала себя чужой, глядя на этого парня. Она знала, что он — её брат по этому телу, но не более.

Му Гэ и Му Цинхэ заметили холодность и отстраненность в глазах Му Цяньгэ. Они решили, что она получила глубокую психологическую травму во дворце, и их ненависть к Ли Цзиньшу стала еще сильнее.

Му Гэ взял себя в руки и почтительно обратился к Гуйдао Яо:

— Принц Яо, нам нельзя больше медлить. Я только что вернулся и заметил, что вокруг нас появилось много теней.

Гуйдао Яо лишь усмехнулся, скривив губы в ироничной улыбке:

— Хм! Несколько тайных стражей хотят тягаться с воинами Наньманя? Смешно!

Тайные стражи... Неужели люди Ли Цзиньшу? Е Жу задумалась: стоит ли уезжать? Если она уедет сейчас, то действительно больше не встретится с ним. Но ведь она теперь Му Цяньгэ, а между кланом Му и Ли Цзиньшу лежит кровавая пропасть.

Она огляделась: матери Му Цяньгэ нигде не было. Неужели она тоже погибла от рук Ли Цзиньшу? При этой мысли в душе Е Жу закипела ненависть. Все её родные в этом мире погибли из-за Ли Цзиньшу, да и её саму чуть не убили в том дворце!

— Отец, давайте уедем из Столицы! — твердо сказала Е Жу. Жизнь важнее всего. Оставаться рядом с Ли Цзиньшу — значит рано или поздно оказаться в руках Цзян Сычэна. Здесь её ждет только смерть.

— Хорошо, доченька. Мы уезжаем. Я больше никогда не оставлю тебя в опасности.

— Решено, — кивнул Гуйдао Яо. — Раз уж вы, старый генерал Му, и вся ваша семья приняли решение, я прикажу немедленно сворачивать лагерь и отступать в Наньмань. А что касается наших счетов — придет день, и мы вернемся, чтобы свести их с императорским двором до последней капли.